

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Документ, представленный на обсуждение (16)

Неизбежна ли эскалация франко-турецких отношений на Ближнем Востоке и за его пределами?

Дороте Шмид, Французский институт международных отношений (IFRI),
программа по вопросам Турции и Ближнего Востока

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редактор:

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Тамер Бадави, научный ассистент

Автор

Дороте Шмид

Дороте Шмид является экспертом по региону Средиземноморья и Турции с дипломом в сфере государственного управления Института политических исследований (Париж) и докторской степенью (PhD) в области политологии, присужденной Университетом Париж 1 Пантеон-Сорбонна. Занималась анализом странового риска в банке «Crédit Agricole-Indosuez», а также консультировала государственные учреждения (Европейскую Комиссию, Министерство экономики и Министерство иностранных дел Франции), НПО и частные компании. В 2002 г. перешла во Французский институт международных отношений (IFRI).

Дороте Шмид проводила многочисленные аналитические исследования по вопросам политики ЕС и Франции в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, принудительной демократизации, политической экономии и региональной расстановки сил. Подготовила и с 2008 г. реализует программу изучения современной Турции в IFRI, в рамках которой исследуются трансформации политики и активизация внешней политики Турции в соседних регионах и за их пределами. Текущая научная деятельность Дороте Шмид связана с динамикой политических реформ на Ближнем Востоке, будущим культуры государств-рантье, повестками постконфликтного периода и новой конкурентной борьбой за влияние в регионе.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя.

Опубликовано в ноябре 2020 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

В последние годы позиции Франции и Турции по вопросу Ближнего Востока были диаметрально противоположными. Их разногласия по поводу ситуации в Сирии, Ливии, Восточном Средиземноморье – а в последнее время и на Кавказе – значительно обострились, что привело к вероятности опосредованного конфликта с прямой военной конфронтацией между двумя членами Североатлантического Альянса (НАТО). Стремясь заручиться широкой поддержкой со стороны стран Европы, Франция отвечает жесткой позицией на «неоосманские» притязания Турции; при этом Париж обеспокоен действиями Анкары, не вписывающимися в его представления об исторически сложившихся узких национальных интересах Турции. В среднесрочной перспективе оба государства, очевидно, испытывают друг друга в попытках пересмотреть зоны своего влияния, определяя направления внешней политики исходя из непростой динамики, последовавшей за Арабской весной. Данное соперничество находит отражение и во внутренних делах обеих стран по мере того, как французской и турецкой публике прививается негативный взгляд на «другую сторону».

Сирия: сотрудничество, разногласия и смена лидерства

Первоначальная реакция Франции на сирийское восстание 2011 г. была неоднозначной. Поскольку в марте страна уже пошла по пути затратной военной операции в Ливии, исход которой был непредсказуем, президент Николя Саркози хотел сначала убедиться в том, что расширение региональной военной деятельности в Сирии не обернется новыми трудностями. Таким образом, Париж не был готов пойти на риск и открыть новый фронт, не будучи уверенным в том, что эти действия гарантируют быстрый политический успех; неоднозначная оценка ситуации со стороны дипломатов и органов разведки также не придавала определенности.

Турция же, напротив, уверенно сделала ставку на Сирию, поскольку, вероятно, извлекла противоположные уроки из операций в Ливии, в которых изначально отказалась участвовать. Нарастание революционных процессов там носило неконтролируемый характер, и ливийский сценарий указывал на то, что распад государства может иметь отголоски в других региональных очагах. Турция, чья граница с Сирией протянулась на 900 километров, непосредственно видела нарастание напряжения и быстро приняла решение поддержать сирийскую оппозицию, опередив Николя Саркози. Анкара открыла двери для антиправительственных активистов, предприняла попытки патронировать некоторые

политические группы, стала поставлять оружие воюющим формированиям, а также оставила открытыми границы для беженцев, покидавших места военных действий.

С приходом к власти Франсуа Олланда весной 2012 г., после многолетних трений между странами, Франция взяла курс на сближение с Турцией. При Николя Саркози отношения в значительной мере испортились на фоне обсуждений возможного вступления Турции в Евросоюз: тогда бывший президент Франции регулярно заявлял, что Турцию нельзя считать европейской страной и что он лично возражает против ее вступления в ЕС. Хотя и воспринятый с удивлением, факт раннего турецкого вмешательства в сирийский конфликт был расценен французскими дипломатами как возможность выстраивания отношений с Анкарой по отдельным направлениям и, в частности, сотрудничества по наиболее сложным вопросам. Таким образом, вместо рискованных действий Франция могла поддерживать дипломатическую деятельность Турции в той части, которая отвечала ее интересам. Осуждение военных преступлений режима Башара Асада и призывы к инклюзивным политическим преобразованиям стали наиболее достижимыми точками соприкосновения.

Данная схема ситуативного сотрудничества успешно применялась до тех пор, пока в Сирии не появились два новых политических игрока: «Исламское Государство» (ИГИЛ) и курды, заявившие о своих полномочиях в ходе восстания Отрядов народной самообороны (YPG). Действия воюющих в Сирии группировок приводили к религиозной радикализации, на которую до 2015 года Франция закрывала глаза, равно как и игнорировала двоякое, но при этом лояльное отношение Турции к этим формированиям. Лоран Фабиус, занимавший на тот момент пост министра иностранных дел Франции, даже заявлял, что связанная с Аль-Каидой группировка «Джабхат ан-Нусра» делает в Сирии «свое дело». Однако переломным моментом в отношениях между странами стал террористический акт в парижской редакции «Charlie Hebdo». Официальная реакция Турции на трагедию была более чем однозначной. Турецкий министр иностранных дел Ахмет Давутоглу объявил, что журналистам, прежде всего, не следовало оскорблять ислам и что они сами напросились на неприятности. Тогда многие страны, обратив внимание на маршруты, по которым следовали европейские джихадисты, осознали, что Турция, с молчаливого согласия своих властей, стала главным окном в Сирию, или, как ее тогда прозвали, – «магистралью джихада». Репутация Турции в глазах французов стала падать и была еще сильнее подорвана, когда турецкие вооруженные силы и сирийские арабские посредники начали воевать против партизанских объединений курдских Отрядов народной самообороны (*Yekîneyên Parastina Gel*, YPG) на северо-востоке Сирии. Сформировав ядро Сирийских демократических сил, данные отряды выступили в роли военных союзников коалиции по борьбе с ИГИЛ, в связи с чем стали восприниматься

как передовые герои, оказывающие сопротивление туркам с их авторитарной, ультра-националистической и империалистической установкой.

С 2013 по 2016 г. – с момента демонстраций в парке Гези до неудавшейся попытки военного переворота – Турция медленно отдалялась от западных партнеров, с неодобрением относившихся к растущему авторитаризму и исламизации Турции под властью президента Реджепа Тайипа Эрдогана. После 2016 г. турецкий лидер направил свое внимание на Москву, чтобы компенсировать полное, на его взгляд, отсутствие поддержки со стороны США и европейских партнеров. С каждым новым военным вмешательством в дела Сирии политические отношения Турции с западом омрачались все больше. Анкара, позиционирующая себя в качестве незаменимого члена НАТО, обладающего второй по численности военной силой, еще сильнее повысила градус напряжения в рядах членов альянса закупкой российских комплексов, против чего выступали как США, так и европейские государства. Тем не менее это не сказалось на эффективности сотрудничества стран по направлениям правоприменения и разведки в рамках борьбы с радикальным исламизмом, который в равной степени воспринимался в качестве угрозы и Турцией, и европейскими державами.

Ливия: выгоды и стоящая за ними борьба за власть

Свержение ливийского лидера Муаммара Каддафи не привело к незамедлительному построению демократии. Вместо этого на глазах у Франции и Турции в стране стал нарастать хаос. После 2014 г. Франция стала все четче осознавать вероятность того, что новая тенденция радикального ислама перекинется из Леванта на территорию Северной Африки. Опасения Франции заключались еще и в том, что распавшаяся Ливия превратится в основной транзитный пункт для торговли людьми и их незаконной передачи из Африки в Европу. Вместе с тем Францию заботили и ее экономические интересы в отношении богатых нефтяных ресурсов Ливии, где когда-то располагались наиболее прибыльные участки французской энергетической компании Total SE. Тогда Париж сделал ставку на человека, который, как никто другой, был способен удовлетворить его многочисленные интересы, и начал тайно оказывать поддержку маршалу Халифу Хафтару, консультируя его и его соратников и поставляя им вооружение. Ответственность за столь рискованную стратегию при Франсуа Олланде лежала, в первую очередь, на Главном управлении внешней безопасности Франции (DGSE) – службе внешней разведки, и с учетом

официальной поддержки Парижем мирного процесса под эгидой ООН французская позиция лишь разжигала гражданскую войну в Ливии.

Когда в 2017 г. к власти пришел Эммануэль Макрон, он наладил отношения со Специальным представителем ООН Гассаном Саламе, чья академическая карьера в Париже принесла ему славу интеллектуала в кругах, приближенных к новому президенту. Макрон взял на себя роль миротворца, которая шла вразрез с прежними попытками Николя Саркози восстановить репутацию Франции на Ближнем Востоке. В июле 2017 г. Эммануэль Макрон организовал в Ла Сель-Сен-Клу – пригороде Парижа – встречу с Фаизом Сараджем, премьер-министром базирующегося в Триполи правительства, и его соперником Халифой Хафтаром, чтобы заложить основы мирного договора. В мае 2018 г. состоялась очередная встреча, однако переговоры были приостановлены в связи с началом наступательной операции Хафтара на Триполи весной 2019 г.

Турция, в свою очередь, рассматривает ситуацию в Ливии с двух позиций. Во-первых, Анкара была политически заинтересована в укреплении международно признанного Правительства национального согласия под руководством Сараджа, поскольку его политика и ближайшие соратники отвечали воззрениям членов турецкой Партии справедливости и развития (АКР) с ее близкой «Братьям-мусульманам» идеологией. Хафтар же стал лидером про-консервативного арабского лагеря, опирающегося на поддержку Египта и Арабских Эмиратов, с которой Турция смириться уже не могла. В результате Турция автоматически оказалась в оппозиции к тесным политическим, культурным и военным связям Парижа с Каиром и Абу-Даби. Во-вторых, Турция хотела получить компенсацию за вынужденный выход из Ливии в 2011 г., поскольку до войны ее экономическое присутствие в стране было довольно значимым. Таким образом, Анкара начала сблизиться с законным, но осаждаемым режимом в Триполи, поставляя ему вооружение и военных советников. Наконец, в начале 2020 г. Турция вступила в войну, официально поддержав Сараджа и его правительство, направив им собственные войска и сирийских посредников. Утверждают, будто Сарадж отблагодарил Эрдогана за военную поддержку суммой в 12 миллиардов долларов США, при этом подписав с ним морское соглашение, по которому пересматривались морские зоны обоих государств от южного средиземноморского побережья Турции до северного побережья Ливии, а турецкие воды теперь охватывали и греческую, и кипрскую зону.

Таким образом, Франция и Турция оказались по разные стороны ливийского конфликта. Франция ослабила хватку в мирном переговорном процессе, уступив место Германии. В январе 2020 г. в Берлине начался новый процесс мирного урегулирования, в котором

приняли участие Париж и Анкара. Франция подписалась под положениями, требующими строгого эмбарго на поставки оружия в Ливию. В связи с растущей обеспокоенностью по поводу турецкого военного вмешательства в ливийский конфликт французский министр иностранных дел Жан-Ив Ле Дриан в мае осудил «сирианизацию» ливийского конфликта. Серьезный инцидент произошел в июне, когда французский фрегат «Курбэ», принимавший участие в военной операции НАТО возле ливийских берегов, потребовал провести досмотр грузового судна под флагом Танзании, которое подозревалось в перевозке вооружения и сопровождалось турецкими ВМС. В ответ на запрос судно не остановилось. По заявлениям Парижа, турецкие радары трижды засекли фрегат, что было расценено как враждебный акт. Спор был передан на урегулирование членам НАТО, однако Париж так и не смог добиться единогласного осуждения Турции с их стороны.

Данная символическая конфронтация стала для Франции последней каплей, значительно встревожив ее высших военных чинов. Опасения Парижа оправдались летом 2020 г., когда турецкое военное вмешательство на стороне Триполи кардинально поменяло расстановку военных сил, перевесив усилия России и ОАЭ и вынудив Хафтара отступить. Турция также воспользовалась уязвимостью европейских стран в условиях пандемии COVID-19 и неоднократно осуждала Париж за двойную мораль и преследование собственных интересов в Ливии, что вызывало все бóльшую обеспокоенность Эммануэля Макрона.

Восточное Средиземноморье: изменившийся взгляд Франции на Турцию в связи с эскалацией напряжения

Последний эпизод франко-турецкой конфронтации произошел в регионе Восточного Средиземноморья, когда Турция неоднократно направляла буровые суда с масштабным военным конвоем в акваторию Кипра, а затем – и Греции, что вызывало бурную реакцию со стороны Европы. Франция поддержала Афины и Никосию в большей степени, чем остальные члены Евросоюза: взяла на себя руководящую роль и подчеркнуто действовала более угрожающе, чем немецкий лидер. Для устрашения Анкары Париж направил в Восточное Средиземноморье два истребителя «Рафаль», намекнув на возможность военной эскалации конфликта.

Столь быстрое обострение ситуации нельзя рассматривать в отрыве от предыдущих разногласий и стычек между Францией и Турцией. Парижское руководство потеряло терпение на фоне действий Анкары в регионе, которые все сильнее подрывали доверие между западными союзниками. Вашингтон, который, в основном, держался в стороне от ливийского конфликта и явно не был намерен участвовать в долгосрочных политических

процессах в Сирии, вряд ли мог бы обуздать Турцию в Восточном Средиземноморье. Германия же вела себя слишком лояльно, что было обусловлено ее крепкими социально-экономическими связями с Турцией, а также нехваткой геостратегического мышления. Таким образом, единственным реальным оплотом для Греции оставалась Франция, которую отличал значимый опыт европейского лидерства, военная мощь и компетентность в вопросах Ближнего Востока.

Оппортунизм Анкары, эффективно и систематически проявляющийся в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, по всей видимости, сильно тревожит Францию. На глазах у Парижа сценарии турецкого вмешательства находят повторение как в соседствующих с Турцией регионах, так и за их пределами. Оказавшись в проигрышном положении, Франция была вынуждена провести стратегическую переоценку турецкого статуса в регионе. На данный момент Париж расценивает активную деятельность Анкары как часть комплексного империалистического проекта в русле неоосманизма. Его ревизионистский характер заключается в том, что Турция оспаривает границы с Сирией, а теперь и с Грецией. Налет пантюркизма особенно проявился в турецких амбициях в октябре, когда Турция вмешалась в армяно-азербайджанский конфликт – если не разожгла его, – заявив, что «Армения является единственным препятствием для установления мира на Кавказе». Очевидно, Франция воспринимает буквально и относится крайне серьезно к провокационной риторике турецкой «Партии справедливости и развития». Во французских военных кругах особое значение придавалось возрождению доктрины «Голубой Родины» (*Mavi Vatan*). Она была впервые изложена одним из турецких адмиралов в 2006 г. и гласила о том, что Турция должна установить контроль в акваториях трех окружающих ее территорию морей, укрепить свое влияние в регионе и гарантировать экономический и демографический рост, обеспечив себе запасы энергетических ресурсов.

По большому счету, деэскалация в Эгейском море стала, скорее, результатом дружеского давления со стороны США, нежели французских угроз. Тем не менее сделанное в сентябре 2020 г. заявление Парижа о планах по поставке Греции пакета вооружений, включая истребители, фрегаты, вертолеты и боевые комплексы, лишь подтверждает, что Париж не рассчитывает на разрешение конфликта с Турцией. Французские СМИ также взяли курс на жесткую антиэрдогановскую риторику, регулярно критикуя подъем агрессивного шовинизма в Турции. Со временем у населения Франции сформировалось стойко негативное отношение к Турции, подпитываемое симпатией к судьбам курдов в Сирии и Турции. Еще одной болезненной темой для Парижа является отрицание Анкарой

армянского геноцида, поскольку во Франции проживает около 500 000 армян, большинство из которых являются потомками тех, кто пережил массовые уничтожения.

Противостояние между двумя государствами, вероятно, воспринимается Анкарой зеркальным образом. В турецких СМИ Франция предстает в виде угасающей посредственной империалистической державы, недовольной восхождением Турции. Анкара негативно воспринимает призывы Макрона к борьбе с местным «сепаратизмом», направленные против радикальных исламистов, и расценивает их как очередной всплеск исламофобии. Анкаре явно досаждают призывы французов к проявлению европейской солидарности в предоставлении защиты Греции, что для Турции звучит как продолжение политики Николя Саркози, отчуждающей ее от Евросоюза. Турция осознает разницу во взглядах Франции и Германии, а потому иногда даже называет Берлин «честным посредником», призванным наладить ее отношения с ЕС. С точки зрения Анкары, подход ЕС нельзя считать согласованным, поскольку Италия и Испания все еще колеблются, хоть и не желают вступать в конфронтацию с Турцией, тогда как Великобритания, которая содержит военные базы на территории Кипра, пока еще не определилась, как себя вести по кипрскому вопросу.

Кроме того, не следует забывать о том, что вопрос Эгейского моря в большей степени близок жителям Турции, нежели участие в ливийском или сирийском конфликте: о первом они вообще мало знают, а ко второму не хотели бы иметь никакого отношения. Тесные отношения Франции с Грецией, Арабскими Эмиратами, Египтом, Саудовской Аравией и Израилем лишь усиливают ощущение изолированности турков и воспринимаются как выстраивание неофициального враждебного альянса. Помимо всего прочего, Францию годами беспокоили российско-турецкие отношения, и теперь Париж с удовлетворением наблюдает за тем, как между Россией и Турцией нарастают разногласия (по вопросам Сирии, Ливии и Кавказа). Подобное развитие событий хорошо вписывается в неоднократно проявляемое Макроном желание сблизиться с Москвой.

Пути разрядки напряженности

Кризис во французско-турецких отношениях может пойти на спад так же быстро, как он вспыхнул летом. Идея применения санкций со стороны Европы была отброшена сразу после того, как Анкара приняла решение вывести свою армаду из греческих вод. Каналы коммуникации между странами не были прерваны, а турецкий министр иностранных дел планирует посетить Париж до конца октября. Данный факт демонстрирует еще одно свойство французско-турецких отношений: обе страны постоянно испытывают друг друга

путем провокационных действий и агрессивной риторики, тогда как взаимодействие при посредничестве Германии, как правило, носит более «цивилизованный» характер.

Таким образом, по факту Франция и Германия продолжили играть роль «хорошего и плохого полицейского» применительно к Турции – как это было при Николя Саркози и Ангеле Меркель. Однако в последнее время в отношениях между Парижем и Берлином появилось значительное напряжение, поскольку реакцию Франции на события в Восточном Средиземноморье сочли чрезмерной. Обеим странам будет необходимо – по крайней мере официально – наладить сотрудничество, чтобы в дальнейшем не утратить авторитет.

По словам действующего председателя Европейского Совета Шарля Мишеля, необходимо созвать крупное совещание, на котором будут открыто обсуждаться многочисленные сложные вопросы, связанные с Турцией, в частности, проблемы сирийских беженцев и экономического сотрудничества, включая, возможно, вероятную модернизацию Таможенного союза между ЕС и Турцией. Подобная комплексная мера, несомненно, помогла бы прояснить региональную повестку Турции, которая вряд ли сможет сохранить устойчивость в долгосрочной перспективе ввиду своей амбициозности, оппортунизма и непостоянства.

Динамика франко-турецких отношений, на первый взгляд, кажется крайне нестабильной. Однако оба государства знают о том, что их объединяет многолетнее наследие и многочисленные общие приоритеты – начиная с сотрудничества в области правоприменения и разведки, которое, кажется, не давало особых сбоев. Первоочередным вопросом для Турции может стать восстановление репутации в глазах французской общественности, крайне критично относящейся к ее политическим действиям на международной арене. С данной точки зрения открытый призыв Анкары к турецкой диаспоре представляется неуместным и опасным путем, ведущим к раздуванию конфликта. Франции и Турции предстоит проделать большую работу, чтобы улучшить диалог на уровне государства и гражданского общества и сохранить взаимоуважение, а также предпринять совместные шаги для построения будущей архитектуры политического устройства и безопасности на Ближнем Востоке.